

УДК 343.3

*Н.О. Машинникова***ПОНЯТИЕ ОБМАНА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Обман является элементом деятельности в рамках межличностного общения. Также обман представляет собой правовое явление, находящееся в рамках нормативного воздействия. Обманные действия сами по себе не являются наказуемыми, поскольку отсутствуют права на истину, поэтому законом охраняются только права, нарушенные в результате обманных действий. Наличие обмана, обусловленное определенными последствиями (заключение сделки, причинение ущерба вследствие мошенничества), – это основание для наступления гражданско-правовых либо уголовно-правовых последствий. Следовательно, обман подвергается нормативному регулированию и носит правовой характер. Однако до настоящего времени нормативное определение обмана для целей применения уголовного закона отсутствует. Данное обстоятельство влечет за собой негативные последствия, которые выражаются в правовой неопределенности статуса обманываемого лица (физическое / юридическое лицо / уполномоченный орган), в последствиях обмана, невозможности отделить гражданско-правовой от уголовно-правового обмана и т.д. Кроме того, окончательно не решен вопрос о возможности совершения обмана путем умолчания, а также посредством невербальных действий.

Ключевые слова: обман, введение в заблуждение, злоупотребление доверием, мошенничество, хищение, воля, волеизъявление.

Исследование обмана в рамках уголовного права является важной задачей, цель которой – закрепление нормативного определения обмана в уголовном законе, что в свою очередь позволит решить ряд задач, связанных с проблемами квалификации и расследования преступлений, совершенных посредством обманных действий.

В период становления правовой системы в Российском государстве длительное время обманные действия и санкции за них не разделялись по отраслям правам, и достаточного внимания им не уделялось. Как способ совершения преступлений обман появился в источниках русского права в период, «... когда имущественный оборот нашего общества достиг той степени развития, на которой для него необходимо взаимное доверие, врываясь последовательно в различные отношения по степени этой необходимости»¹. И действительно, исторически обманные действия всегда связывались с корыстными преступлениями имущественного характера, другими словами, с мошенничеством.

Еще в конце XIX в., при подготовке проекта Особенной части Уголовного уложения разработчики попытались объединить все виды хищений в одно родовое понятие «похищение чужого имущества с целью присвоения, тайно, открыто или посредством обмана», уничтожив при этом различия между отдельными видами хищения путем устранения ранее существовавшей терминологии (кража, грабеж, мошенничество) и указав, что способ действия не имеет влияния на юридическую конструкцию преступления. В связи с этим законодателем была уравнена и степень ответственности за разного рода похищения, совершенные тайно, путем обмана, открыто или с насилием. Указанная позиция законодателя встретила жесточайшее сопротивление среди преподавателей юридических факультетов, чинов обер-прокурорского надзора, работников судов, присяжных поверенных, сенаторов и других специалистов в области юриспруденции.

Так, в своих замечаниях на проект Особенной части Уголовного уложения Юридический факультет Императорского Университета Св. Владимира указал следующее:

«... Действительно, способ действия составляет существеннейшие условия преступления. ... Ни один уголовный кодекс, – по словам покойного профессора Чебышева-Дмитриева, – не охраняет своими постановлениями неприкосновенности имущественных прав вообще, а только неприкосновенность их от определенного способа действия, каковы: кража, мошенничество, разбой, грабеж и проч. ... Составляя существенный признак известного правонарушения, способ действий служит основанием разделения похищения имущества на виды и обуславливает самую наказуемость их, которая зависит от

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://tolslovar.ru/o1167.html> (дата обращения: 05.04.2018 г.)

того, совершено ли это преступление тайно, открыто или с насилием...»². «... Отвергая различие видов похищения по способу действия, проект устраняет вместе с тем, и существующую, установившуюся у нас веками, терминологию, выражающие эти виды ...». Противоречила такая позиция законодателя общепризнанной и сформировавшейся к тому времени европейской кодификации, в которой хищения были разделены по способу их совершения, а нормы об ответственности за мошенничество (хищение имущества путем обмана) были выделены в отдельные статьи и даже главы.

Так, во французском уголовном законе 1810 г. кража (art. 379-401) и мошенничество (*escroquerie*) (art. 405 и след.) составляют предмет различных отделений главы о преступлениях и проступках против собственности. Отдельную главу о мошенничестве (§ 494 и след.) содержал и Бельгийский кодекс. Германская же кодификация традиционно придерживалась разделения похищений имущества на различные виды. При этом всегда в основу такого разделения был положен способ действия.

В русском уголовном праве конца XVIII – середины XIX в. уголовно наказуемые обманы были сгруппированы следующим образом: классическое мошенничество; выманивание имущества посредством обольщения будущим обстоятельством и присвоение его рассматривалось как растрата; лживые поступки, в состав которых входили: лжеприсяга, ябеды, банкротство и разнообразные дефraudации, то есть избежание платежа пошлин посредством обмана; обман в документах. При этом особое место занимали обманы для выманивания документальных обязательств. Это было связано с тем, что законодателем еще не разделялись форма и содержание события, вследствие чего подписанные под воздействием обмана документальные обязательства признавались действительными, поскольку подписаны они были надлежащим лицом. Отдельно выделялись уголовно-наказуемые обманы в лице и личных качествах. К ним относились обманное нищенство и врачебное шарлатанство. При этом практика и законодательство того периода исходили из ненаказуемости обманов в право- и дееспособности³.

Очевидно, что в связи с существенным расширением составов уголовно-наказуемых обманов уже в тот период возникает потребность в определении такого способа преступления (похищения), как обман. Именно с этим была связана значительная доля заявленных к проекту Уголовного уложения замечаний.

В настоящее время уголовно-правовая характеристика обмана имеет решающее значение для квалификации преступлений, совершаемых путем обмана, от смежных составов, а также разграничения преступлений, совершаемых путем обмана, и гражданско-правовых деликтов. В действующем уголовном законе предусмотрена ответственность за преступления, где обман как способ их совершения прямо не указан, но подразумевается.

Таким образом, отечественное уголовное законодательство содержит не только термин «обман» как способ совершения преступления, но и между строк подразумевает некие обманные действия или действия обманного характера, определение которых также отсутствует. Примером могут служить составы таких статей, как 170.1, 173.1, 173.2, 185.5 УК РФ.

Однако прежде чем выявить легальное определение обмана и установить его обязательные уголовно-правовые признаки, необходимо выявить общие характеристики обмана, его суть, понять, является ли обман процессом либо результатом определенных действий – состоянием.

В философии обман – это использование естественных свойств человека: веры (как неотъемлемого качества интеллекта), честности (как общественного свойства личности), доверчивости (как черты характера и результата жизненного опыта), глупости (как естественной особенности мышления), недостатка образования (как следствия общественного разделения труда) и т.п. для достижения собственных целей. В философском словаре Андре Конт-Спонвиля обман определяется как ложь, произносимая с целью ввести в заблуждение (но не в качестве иносказания или иронии), а с полным осознанием того, что произносимое – ложно⁴. Известный философ М.М. Бахтин раскрывал в своих работах понятие лжи (обмана) как одну из форм насилия над человеком и его овеществление⁵.

² Свод замечаний на Проект Особенной Части Уголовного уложения, выработанный редакционною комиссией. Т. 4: Замечания на главы проекта о повреждении имущества, присвоении и похищении чужого имущества / под ред. барона Э.Ю. Нольде, состоящим при комиссии Г.Г. Савичем. СПб., 1890. С. 350.

³ Мошенничество по русскому праву, сравнительное исследование / И.В. Фойницкий. СПб. 1871. С. 553.

⁴ Философский словарь / Конт-Спонвиль А. М.: Этерна. 2012. С. 752.

⁵ Бахтин М.М. Риторика в меру своей лживости // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 232-240.

Поскольку человек – существо социальное, его полноценная жизнь не может протекать вне общества. Обман является одной из форм жизнедеятельности человека и может быть направлен не только на другого человека, но и на самого себя.

Обман является элементом деятельности в рамках межличностного общения. При этом из сознательного волевого акта, локализованного во времени и пространстве, что и является предметом изучения в рамках конкретного уголовного дела, обман может перерасти в свойство личности, так называемую неискренность, что является предметом изучения психолого-социальных исследований.

Любой обман представляет собой сознательный волевой акт субъекта деятельности, направленный на достижение определенной цели. При этом в умственной деятельности виновного лица одновременно присутствуют два разнонаправленных комплекса представлений. Возникает дихотомия в отражении действительности, поскольку первый комплекс представляет собой объективное отражение действительности, а второй – совокупность предпочтительных ложных представлений. Задача виновного лица состоит в том, чтобы скрыть в себе объективные представления действительности и наиболее качественно выразить волеизъявление ложных представлений. То есть в процессе обмана центральное место занимает психика обманщика, его цели, мотивы и способы действия. Как справедливо указывал известный германский ученый-правовед Я. Шапп, введение в заблуждение связано с процессом формирования воли, то есть с мотивацией., введение в заблуждение ведет к заблуждению в мотиве, которое впоследствии приводит к выражению волеизъявления⁶. При обмане мотивы, интересы и установки участников правоотношений (например, сделка при классическом квартирном мошенничестве) изначально противоречат друг другу. Однако известно это только одной из сторон, которая и использует обман для достижения своей цели. Другая сторона находится в неведении относительно реальных мотивов обманывающей ее стороны, поскольку формирование воли потерпевшего происходит под влиянием обмана виновного лица. Очевидно, что воля и волеизъявление – это две составляющие единого психического процесса – отношения лица к совершаемому им действию. Следовательно, воля и волеизъявление должны соответствовать друг другу. В случае, когда воля направлена на одно действие, а волеизъявление выражает намерение совершить другое действие, сделка может вызвать споры между участниками, что препятствует её совершению⁷. Именно несоответствие воли потерпевшего его волеизъявлению образует одно из наиболее важных и социально негативных последствий обмана – конфликтоопасность.

Однако обман – это не только психическое состояние человека (нахождение его в состоянии умышленного введения в заблуждение), но и правовое явление, находящееся в рамках нормативного воздействия. Намеренный обман всегда осознан и всегда ориентирован на личную ценность субъекта⁸. Обманные действия сами по себе не являются наказуемыми, поскольку отсутствуют права на истину, поэтому законом охраняются только права, нарушенные в результате обманных действий.

Наличие обмана, обусловленное определенными последствиями (заклучение сделки, причинение ущерба вследствие мошенничества) является основанием для наступления гражданско-правовых либо уголовно-правовых последствий. Следовательно, обман подвергается нормативному регулированию и носит правовой характер.

Интересна позиция, высказанная о природе и особенностях уголовно наказуемого обмана присяжными поверенными округа московской Судебной палаты за 1890 г. В своих замечаниях к проекту Особенной части Уголовного уложения, в частности, к гл. 33, они указывают: «... Похищение путем обмана едва ли можно рассматривать как однородную группу преступлений. Дальнейшее деление является необходимым. Вопрос лишь в том, что избрать критерием этого деления. Если таким критерием избрать большее или меньшее напряжение злой воли, проявляющееся в первых ступенях в виде наивной, прозрачной хитрости и доходящее в конце до виртуозного творчества, то обманые похищения могут быть разбиты на две большие группы:

1. похищения путем обмана непосредственного; под этим обманом следует разуметь такой, который задумывается и осуществляется лицом своими собственными силами; наличность помощников, посвященных в обман и содействующих ему, даст в этом случае лишь вид того же рода;

⁶ Основы гражданского права Германии: учебник / Я. Шапп, К. Арсланов; пер. с нем. М.: БЕК, 1996. 304 с.

⁷ Гражданское право: в 3 т. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев, (и др.); отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. Т. 1. 784 с.

⁸ Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.

2. высшую, сравнительно, степень злой воли представляет другой обман, для осуществления которого виновный старается заставить поддержкой лица, к обману не причастного, не знающего о нем, которое, действуя исключительно в интересах блага, добра и справедливости, тем не менее содействует виновному, само того не подозревая. Если виновный старается приобрести такого комического сотрудника в лице власти, обман приобретает особое значение и стоит несравненно выше того, который указан в первой группе. Обдумав и осуществив интеллектуальную сторону преступления, виновный предоставляет уже власти заняться черной работой; сделав, что нужно, он терпеливо ждет и готовит карман, в который властная рука, движимая началами права и справедливости, положит чужое имущество, похищенное у неповинного ни в чем человека. Эта группа похищений в общежитии называется обворовыванием на законном основании.

Под эту группу следует подвести похищения путем обмана на почве договоров. Будет ли обман осуществлен при заключении договора или при исполнении его, особого значения при квалификации его это иметь не может. Общая же всем этим преступлениям черта состоит в том, что злая воля достигла такого развития, что в плане своем, по поводу обманного похищения, отвела весьма значительное место сотрудничеству власти»⁹.

Полагаем, что данное определение обмана, хоть и является объемным и сложным для восприятия, но до сих пор не потеряло своей актуальности в части разного рода хищений.

В отечественной науке как гражданского, так и уголовного права одни ученые отождествляют понятия «обман» и «заблуждение», другие используют «обман» в качестве синонима к «введению в заблуждение». Указание на обман как способ совершения преступления в действующем Уголовном кодексе РФ встречается 13 раз. Однозначное определение понятия обмана в действующих как гражданском, так и уголовном кодексах отсутствует. Неоднозначно понимается обман в уголовно-правовой и гражданско-правовой доктринах.

Юридические словари, в свою очередь, содержат определения обмана применительно только к одной отрасли права: «Обман (лат. *fraus, fraudis*; англ. *deception / fraud*) – в гражданском праве – умышленное введение в заблуждение одной стороной сделки другой ее стороны с целью совершения сделки. Обман может относиться как к элементам самой сделки, так и к обстоятельствам, находящимся за ее пределами, в т.ч. к мотивам, если они имели значение для формирования воли участника сделки. ... Сделка, заключенная под влиянием обмана, не соответствует истинным намерениям обманутой стороны. В силу этого и римское право, и современные законодательства не признают действительности сделки, заключенной под влиянием обмана»¹⁰.

Обман является сложной формой, которая обозначает как действие субъекта, преследующего определенную цель, так и результат, который представляет собой заблуждение потерпевшего. При этом заблуждение не всегда будет результатом обмана. Так, О.С. Иоффе отмечал, что обман всегда сопряжен с чьими-либо умышленными действиями. Напротив, заблуждение может наступать и при отсутствии вины и быть результатом неосторожности, допущенной либо самим заблуждающимся, либо лицом, с которым он вступает в отношение по сделке¹¹.

При заблуждении имеет место неосторожная вина самого потерпевшего либо неосторожная вина его контрагента, у которого без умысла с его стороны возникло не соответствующее действительности представление о фактических обстоятельствах. Такого рода заблуждение не содержит сообщения о каких-либо ложных фактах, а основано на субъективном мнении о сложившихся обстоятельствах и фактах. Следовательно, они фактически являются ложными предположениями (ложной оценкой).

Обманные же действия всегда совершаются в отношении потерпевшего умышленно. Необходимо отметить, что обман, не способный повлиять на волеизъявление стороны в сделке, не должен влиять и на юридическую силу сделки, так как он не являлся основанием формирования воли стороны (потерпевшего).

Сам обман как процесс всегда состоит из двух составляющих:

1) при обмане всегда наличествует неведение лица либо его неверное представление о фактах и обстоятельствах, имеющих существенное значение для формирования воли лица на совершение определенных действий;

⁹ Свод замечаний на Проект Особенной Части Уголовного уложения, выработанный редакционною комиссией. Т. 4: Замечания на главы проекта о повреждении имущества, присвоении и похищении чужого имущества / под ред. барона Э.Ю. Нольде, состоящим при комиссии Г.Г. Савичем. СПб., 1890. С. 498-499.

¹⁰ Энциклопедия права, 2015. URL: http://encyclopediya_prava.academic.ru/3640 (дата обращения: 05.04.2018 г.).

¹¹ Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Советское гражданское право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 509.

2) наличие воздействия на волю лица, в результате чего оно совершает определенные действия, последствия которых противоречат его интересам.

В целях исследования самих обманных действий для формирования понятия «обмана» применительно к уголовному праву считаем необходимым выделить следующие характеристики:

- действие;
- умышленное;
- участие в действии двух и более лиц (обманывающих и обманываемых);
- наличие несовпадения искусственно созданного (ложного) представления о предмете с объективной действительностью;
- переход активных обманных действий в статическое состояние обманутого – заблуждение;
- наличие негативных последствий (материальный ущерб, организационный вред и др.) как результат совершенного противоправного действия.

Необходимо отметить, что наличие воздействия на волю лица сближает обман с принуждением и угрозой в гражданско-правовом смысле и с вымогательством – в уголовно-правовом. Однако при обмане формирование воли лица на совершение действий (подчинение воли обманывающего) происходит бессознательно. При этом как любой процесс, обман имеет длящийся характер. Потерпевший какое-то время находится в состоянии умышленно созданного виновным лицом заблуждения. Для осознания потерпевшим факта обмана иногда требуется длительное время. Момент осознания потерпевшим факта совершения в отношении него обманных действий является ключевым для защиты его прав в рамках гражданского судопроизводства, поскольку именно с этого момента начинается срок исковой давности для обращения в суд для защиты своих прав и законных интересов в рамках гражданско-правового спора.

Момент осознания потерпевшим факта совершения в отношении него обманных действий уголовно-правового характера, связанных с хищением имущества либо права на него, непосредственно связан с моментом перехода указанного имущества от потерпевшего к виновному лицу и моментом возникновения возможности у виновного лица владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом. Так, если потерпевший обнаружил, что его обманывают и лишь пытаются похитить у него имущество, то при всех прочих необходимых составляющих указанное действие будет квалифицироваться как покушение на мошенничество, а именно, по ч. 3 ст. 30 и по соответствующей части ст. 159 либо 159 прим. УК РФ. Таким образом, если обман был совершен, но его последствия в виде материального ущерба наступить не успели, в том числе в силу тех обстоятельств, что потерпевший вовремя осознал этот факт, то квалифицироваться содеянное будет как покушение.

С точки зрения О. Белокурова и В. Андреева, объективная сторона обмана выражается только в деянии. Заблуждение же, в свою очередь, является результатом обмана и не является его признаком¹². Согласно другой точке зрения обманом является его последствие, а именно, введение лица в заблуждение.

Иной подход к пониманию обмана определяет его как сознательное введение в заблуждение кого-либо относительно определенных обстоятельств¹³. Полагаем, что указанная точка зрения является наиболее верной, поскольку термин «введение в заблуждение» охватывает все формы обмана, в том числе и умолчание о фактах и обстоятельствах. Кроме того, она отражает главную черту обмана – способность вызывать у другого лица искаженное (ложное) представление о фактах и обстоятельствах, имеющих место в действительности, что является определяющим при уголовно-правовой квалификации действий виновного лица. Необходимо отметить, что указанная формулировка наиболее близка цивилистическому пониманию обмана. Аналогичную формулировку обмана для целей квалификации мошеннических действий используют уголовные законы Франции (ст. 313-1), Швейцарии (ст. 146), Германии (§ 262).

Нельзя признать обманом (мошенничеством) сознательные действия человека, не направленные на волю и психику другого человека, поскольку эти действия не будут иметь под собой информационного воздействия, которые и являются сущностью обмана.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», под обманом (для целей хищения) понимается сознательное сообщение (представление) заведомо ложных, не со-

¹² Белокуров О., Андреев В. Уголовно-правовая оценка обманной деятельности // Уголовное право. 2005. № 5. С. 4.

¹³ Хмелева М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 13-14.

ответствующих действительности сведений, **либо в умолчании** об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, предоставление фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использование различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, имитация кассовых расчетов и т.д.), направленные на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение¹⁴.

В ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что обманом считается также **намеренное умолчание** об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота.

В п. 99 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что «... обманом считается не только сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и **намеренное умолчание** об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота»¹⁵.

Таким образом, допускается, что обман может быть выражен в форме бездействия. Полагаем, что с этой точкой зрения полностью согласиться нельзя, поскольку обман – это поведение, деятельность человека. Как справедливо отмечает Р.А. Сабиров, под бездействием при обмане следует понимать «частичное» бездействие, выразившееся в утаивании информации, получив которую человек не был бы введен в заблуждение. В данном случае заблуждение обманутого достигается совокупностью одновременно двух факторов: действием и бездействием. Посредством абсолютного молчания обмануть кого-либо невозможно, поскольку при этом отсутствует воздействие виновного лица на сознание и психику потерпевшего¹⁶.

Существует точка зрения, согласно которой неосновательное получение имущества в результате фактической либо счетной ошибки работника предприятия подразумевает обман и подлежит квалификации как мошенничество. Однако, если получение имущества произошло в результате ошибки (заблуждения), которая произошла независимо от действий виновного лица, состав мошенничества в таком случае отсутствует. В данном случае обман путем умолчания будет отсутствовать, поскольку виновное лицо в формировании у потерпевшего заблуждения участия не принимало, и произошло оно помимо его воли. Следовательно, умолчание виновного лица не находится в причинной связи с ошибкой потерпевшего. Умысел виновного лица в данном случае будет направлен не на хищение чужого имущества путем обмана, а на его удержание.

По действующему Уголовному кодексу Российской Федерации ответственность за использование чужого заблуждения либо за использование чужой ошибки не предусмотрена и способом мошенничества не является. Однако уголовная ответственность за использование чужого заблуждения предусмотрена, например, ст. 286 Уголовного кодекса Польши.

Весьма интересной кажется точка зрения В.В. Знакова, который предлагает рассматривать обман в сфере экономических правоотношений через призму двух его смыслообразующих признаков:

– обман основан на сознательном стремлении одного из партнеров создать у другого ложное представление о предмете обсуждения, не искажая факты. Отличительным признаком такого обмана, по мнению В.В. Знакова, является отсутствие прямого искажения истины. Обман – это полуправда, сообщенная партнеру с расчетом на то, что он сделает из нее ошибочные выводы, не соответствующие намерениям обманывающего. Успех обмана основывается на эффекте обманутых ожиданий. Целью обмана является направление мышления партнера по стереотипному пути часто встречающихся ситуаций;

– обман, как правило, связан с реальными действиями, а нередко и с материальными потерями для обманываемого. Обман включает манипуляцию контекстных особенностей, создающих ложное впечатление о ситуации¹⁷.

В советском уголовном праве 1930–1950-х гг. не сложилось общей позиции и относительно ложных утверждений о фактах, которые должны были бы наступить в будущем. Так, Я.М. Брайнин полагал, что при ложном утверждении о будущих фактах имеет место субъективное условие обмана

¹⁴ Постановление Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2018 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>

¹⁶ Сабиров Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86-89.

¹⁷ Знаков В.В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 51-60.

– намерение обмануть, однако отсутствует объективная возможность ввести в заблуждение¹⁸. Такая позиция разделила обман и злоупотребление доверием как стадии совершения преступления. В свою очередь, Г.А. Кригер полагал, что важен не период, к которому относятся факты (в том числе ложные), о которых сообщает преступник, а оказываемый этими сведениями эффект – введение в заблуждение¹⁹. Таким образом, автор фактически указывает на то, что обман – это способ совершения преступления, которым достигаются последствия в виде введения потерпевшего в заблуждение.

Результатом длительной и глубокой разработки понятия обмана в период становления советского государства стало введение в УК РСФСР понятия «злоупотребление доверием» как нового дополнительного способа совершения мошенничества.

Современное гражданское законодательство многих европейских стран признает обманом использование обманных действий третьего лица, действовавшего самостоятельно без сговора с лицом, которое эти обманные действия использовало в своих интересах. Так, гл. 3 Принципов международных коммерческих договоров (принципов УНИДРУА) предусмотрена возможность отказа от сделки при обмане со стороны третьего лица, за который сторона по сделке не отвечает, однако об обмане знала либо должна была знать. Старые европейские кодификации, в частности, ст. 1269–1270 Гражданского кодекса Испании, ст. 1116 Гражданского кодекса Франции указанную возможность не предусматривают.

Современное российское уголовное законодательство прямо указывает на обман как на способ совершения преступления против собственности с признаками хищения либо без таковых (гл. 21 ст. 159-159.6 и 165 УК РФ), тем самым искусственно ограничив и связав наличие обмана как способа совершения преступления с причинением потерпевшему материального вреда.

Обман всегда связывали со стремлением к незаконному обогащению, то есть если использовать уголовно-правовую терминологию – с корыстной целью. Однако обратимся к диспозиции ст. 165 УК РФ, в которой признаки хищения исключены. Следовательно, обман в качестве способа совершения преступления может быть использован без корыстной цели. Здесь обман выступает способом причинения имущественного ущерба, который является обязательным признаком состава преступления. В отличие от хищения, при причинении имущественного ущерба происходит не уменьшение ранее существующей материальной базы потерпевшего, а экономия собственного имущественного фонда виновного лица, извлечение прибыли или уклонение от надлежащих материальных затрат.

Многообразие частных способов совершения налоговых преступлений (ст. 198, 199 и ст. 199 прим.), на наш взгляд, также объединено одним родовым способом, а именно, обманом. Полагаем, что целесообразно было бы включить обман в качестве единого способа совершения преступлений в сфере налогообложения в диспозиции соответствующих статей, поскольку это обяжет сотрудников налоговых и правоохранительных органов более тщательно подходить к доказыванию умысла при привлечении виновного лица к уголовной ответственности и будет препятствовать незаконному привлечению лиц, совершивших правонарушение по неосторожности.

Развитие общественных отношений и экономический рост неизбежно влекут за собой не только изменения качества жизни населения и развитие правового государства, но и развитие негативных социальных явлений (преступности), изменение форм проявления и рост масштабов их отрицательного воздействия.

Не является исключением и обман как один из наиболее традиционных способов совершения преступлений. В процессе исторического развития его содержание и формы внешнего выражения претерпевали изменения согласно этапу развития общественных отношений. Поскольку обман представляет собой информационное воздействие на психику конкретных людей, то с каждым последующим этапом развития общества указанное информационное воздействие претерпевает изменения и усложняется.

В науке уголовного права дискуссионным остается и вопрос о том, возможно ли обмануть уполномоченный орган как юридическое лицо? На наш взгляд, нет.

Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» допустил возможность введения в заблуждение уполномоченного органа. Однако эта формулировка противоречит сущности обмана как информационного воздействия на психику человека. Очевидно, что любое проявление психических

¹⁸ Браинин Я.М. Советское уголовное право. Киев, 1953. С.74.

¹⁹ Кригер Г.А. Ответственность за хищение государственного имущества по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 96.

процессов у государственных и муниципальных органов отсутствует. Следовательно, в данном случае правильнее говорить о конкретном физическом лице, сотруднике уполномоченного органа, который и будет указанный орган персонифицировать.

В настоящее время существенно увеличилась доля вреда, причиненного обманом, так называемого неимущественного (нематериального) характера.

Глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» в течение последних 7 лет была дополнена следующими статьями:

170.1 – Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета;

173.1 – Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица;

173.2 – Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица;

185.5 – Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества.

Не вызывает сомнения тот факт, что все эти преступления могут быть совершены только путем обмана физического либо должностного лица – сотрудника уполномоченного органа. Именно это обстоятельство предопределяет сходство («родство») этих составов с мошенничеством – ст. 159 УК РФ, что затрудняет их уголовно-правовую оценку и процесс отграничения друг от друга.

На практике повсеместно встречаются случаи, когда перечисленные выше статьи используются в качестве дополнительной квалификации действий лиц, осужденных по ст. 159 УК РФ. Однако если в материалах уголовного дела имеются все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ (в частности, имеется факт хищения и установлена причинно-следственная связь между действием и возникновением ущерба), связанные с куплей-продажей акций, долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, куплей-продажей недвижимого имущества, находящегося на балансе общества и др., то действия по предоставлению сведений в реестры, по проведению общих собраний участников обществ либо акционеров, регистрация сделок в органах Росреестра должны быть квалифицированы как способ совершения мошенничества. Дополнительного наказания по перечисленным выше статьям в данном случае не требуется. Таким образом, на практике нередки случаи, когда лица, осужденные за совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена по ст. 159 УК РФ (чаще всего это ч. 4 указанной статьи) незаконно подвергаются дополнительному наказанию за совершение тех же самых действий, за которые они уже понесли наказание.

В качестве примера можно привести Приговор Орджоникидзевского районного суда города Перми от 01.10.2014 г. согласно которому Г.А., Г.Ж. признаны виновными в совершении мошенничества по ст. 159 ч. 3 УК РФ – приобретение права на чужое имущество путем обмана, а также в совершении фальсификации ЕГРЮЛ по ст. 170.1 ч. 1 УК РФ – представление в налоговый орган подложных документов с целью внесения в ЕГРЮЛ недостоверных сведений об учредителях ООО «ВИА САН», о размерах и номинальной стоимости долей участников общества в уставном капитале.

И такой приговор является далеко не единственным. Не редки случаи, когда суд квалифицирует нарушения в области регистрационных действий как хищение чужого имущества определенным законом способом, как правило, путем обмана. В результате такой неверной квалификации человека привлекают к уголовной ответственности и осуждают по той категории преступлений, за которую предусмотрено более суровое наказание. Это влечет за собой грубое нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г.²⁰

Перечисленные выше ситуации стали, на наш взгляд, возможны потому, что в наше динамичное время уголовное законодательство вынуждено догонять быстро развивающиеся политическую и экономическую ситуации, постоянно растущие и меняющиеся потребности общества в целом и приоритеты личности в частности.

Количество статей, в том числе подразумевающих ответственность за действия, которые могут быть совершены путем обмана, в Уголовном кодексе растет. Однако эти статьи выходят за пределы принятой в настоящее время концепции обмана. Вред, причиненный в результате перечисленных

²⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984).

выше преступлений, нельзя назвать материальным, скорее он будет носить организационный характер, а наступившие в результате правовые последствия будут препятствовать нормальному функционированию организаций. Кроме того, в результате совершенного преступления может быть ограничена возможность физического лица, чьи документы незаконно были использованы для организации юридического лица, в трудоустройстве на военную, государственную или муниципальную службу.

Не является обязательным признаком перечисленных выше преступлений и корыстная цель, поскольку в результате совершенного обмана не происходит перераспределения имущества в пользу виновного лица либо лиц, в чьей судьбе виновное лицо заинтересовано.

Ввиду того, что указанные преступления по своей структуре не являются хищением и не посягают на какое-либо имущество, можно сделать вывод, что уголовно наказуемый обман является универсальным способом совершения преступлений.

Полагаем, что сформированная в настоящее время концепция обмана в уголовно-правовой теории, неразрывно связанная с хищением, требует существенной переработки. До настоящего времени в теории уголовного права до конца не разработаны вопросы специфики проявления признаков обмана в преступлениях в сфере экономики, на что должен быть направлен обман, какие последствия повлечь? Должен ли обман в сфере экономики с содержательной точки зрения соответствовать обману в преступлениях против собственности? Возможно ли сформулировать единое для всего уголовного закона понятие обмана или необходимо формулировать указанное понятие под определенную группу правоотношений? Например, обман в рамках должностных преступлений, обман в рамках преступлений против собственности, обман в рамках преступлений в сфере экономики и др. И один из наиболее важных вопросов, где заканчивается обман в рамках гражданско-правовых отношений и начинается уголовно-наказуемый обман?

Отсутствие однозначных ответов на перечисленные выше вопросы наносит существенный вред экономическим отношениям, допускает и в некоторой степени даже поощряет незаконное преследование предпринимателей, способствует незаконному переделу бизнеса.

Подводя итог, отметим следующее, исследование обмана в рамках уголовного права является важной задачей, цель которой – закрепление нормативного определения обмана в уголовном законе, что в свою очередь позволит решить ряд задач, связанных с проблемами квалификации и расследования преступлений, совершенных посредством обманных действий. Выявление признаков обмана, как универсального способа совершения преступлений повысит эффективность уголовно-правовой охраны не только собственности, но и экономических и корпоративных правоотношений, позволит разработать формулировку термина «обман» применительно к действующему уголовному законодательству.

Поступила в редакцию 23.04.2018

N.O. Mashinnikova

THE CONCEPT OF DECEPTION IN THE CRIMINAL LAWS OF RUSSIA: COMPARATIVE-LEGAL ASPECT

Deception is an element of activity within the framework of interpersonal communication. Also, deception is a legal phenomenon within the framework of normative action. Deceptive actions themselves are not punishable, since there are no rights to truth, therefore, only rights violated as a result of deceptive actions are protected by law. The presence of deception due to certain consequences (conclusion of a transaction, damage caused by fraud) is the basis for the onset of civil or criminal legal consequences. Consequently, deception is subject to regulatory regulation and is of a legal nature. However, until now, there has been no normative definition of deception for the purposes of applying the criminal law. This circumstance entails negative consequences, which are expressed in the legal uncertainty of the deceived person's status (physical / legal person / authorized body), in the consequences of deception, the inability to separate civil fraud from criminal fraud, etc. In addition, the issue of the possibility of deceit by nondisclosure, and also through nonverbal actions, has not been finally resolved.

Keywords: deception, misleading, abuse of trust, fraud, embezzlement, will, will.

Машинникова Наталья Олеговна, аспирант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: n-alico@mail.ru

Mashinnikova N.O., postgraduate student
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: n-alico@mail.ru